

Научная статья

УДК: 347.7

DOI:10.17323/2072-8166.2024.2.23.50

Электронная торговля в архитектуре нормативного регулирования: поиск баланса интересов

Ольга Вячеславовна Сергеева

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Россия 117218, Москва, Большая Черемушкинская, 34, olgbelusva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0366-8148>

Аннотация

Развитие цифровых технологий существенно упрощает выход малого и среднего бизнеса как на национальный, так и на зарубежные рынки. Однако преодоление территориальных барьеров посредством безграничных интернет-технологий приводит к постановке вопроса о юридических механизмах регулирования отношений в сфере электронной коммерции, об эффективном ответе российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития. К таким большим вызовам относится прежде всего качественное изменение самого правового пространства, которое формируется под воздействием новых акторов — электронных торговых площадок (онлайн-платформ). В разработке норм негосударственного регулирования электронной коммерции активно принимают участие и частные заинтересованные лица — деятели бизнес-сообщества и провайдеры интернет-услуг. Цифровизация договорных связей оказала влияние не только на инструментарий, но и внесла качественные коррективы в фундамент регламентации частноправовых отношений. Это требует всестороннего исследования, осмысления и выработки научного подхода к регулированию договорных отношений в Интернет-среде, принимая во внимание позитивный опыт зарубежных стран, являющихся лидерами в сфере электронной торговли, однако ориентируясь на собственные правовые традиции. В статье рассматривается дискуссия о применимости традиционных правовых подходов к отношениям в цифровой среде; анализируются подходы к правовому регулированию электронной торговли, в том числе, принятые международными организациями (ЮНСИТРАЛ), региональными интеграциями на европейском и евразийском пространстве, а также национальными законодателями; исследуются модели негосударственного регулирования

электронной торговли. Автор делает вывод, что в условиях цифровизации бизнес-среды установление баланса прав и интересов всех участников электронной торговли осуществимо лишь посредством введения императивных нормативных предписаний. Поставленной задаче в большей степени будет отвечать принятие специального законодательного акта, который формировал бы основы торговой деятельности в цифровом пространстве и опирался бы на современные тенденции правового регулирования в этой сфере.

Ключевые слова

электронная торговля; онлайн-платформа; бизнес-пользователь; потребитель; нормативное регулирование; общий цифровой рынок; баланс интересов.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Проведение инициативных исследований молодыми учеными» Президентской программы исследовательских проектов, реализуемых ведущими учеными, в том числе молодыми №23-78-01142 «Цифровизация договорных отношений: архитектура регуляторной среды, правовые традиции и новации».

Для цитирования: Сергеева О.В. Электронная торговля в архитектуре нормативного регулирования: поиск баланса интересов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 2. С. 23–50. DOI:10.17323/2072-8166.2024.2.23.50

Research article

E-commerce in Regulatory Architecture: Searching for a Balance of Interests

Olga V. Sergeeva

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., Moscow 117218, Russia,
olgbelusva@rambler.ru

Abstract

The development of digital technologies significantly simplifies the entry of small and medium-sized businesses into both national and foreign markets. However, overcoming territorial barriers through limitless Internet technologies leads to the question of legal mechanisms for regulating relations in the field of e-commerce, about the adequate response of Russian society to great challenges, taking into account the interaction of man and technology, social institutions at the present stage of global development. Such big challenges include, first of all, a qualitative change in the legal space itself, which is being formed under the influence of new actors — electronic trading platforms (online platforms). Private stakeholders — representatives of the business community and Internet service providers — also actively participate in the development of standards for non-state regulation of e-commerce. The digitalization of contractual

relations has influenced not only the tools, but also made qualitative adjustments to the foundation of the regulation of private law relations, which requires a comprehensive study, conceptualization and development of a scholar approach to the regulation of contractual relations in the Internet environment, taking into account the positive experience of foreign countries that are leaders in the field of electronic commerce, however, focusing on our own legal traditions. The article examines the debate about the applicability of traditional legal approaches to relations in the digital environment; approaches to the legal regulation of electronic commerce are analyzed, including those adopted by international organizations (UNCITRAL), regional integrations in the European and Eurasian space, as well as national legislators; models of non-state regulation of electronic commerce are explored. It is concluded that in the current conditions of digitalization of the business environment, establishing a balance of rights and interests of all participants in electronic commerce seems possible only through the introduction of special mandatory regulatory requirements. The task at hand will be met to a greater extent by approving of a special legislative act that would form the basis for carrying out trade activities in the digital space and take into account modern trends in legal regulation in this area.

Keywords

e-commerce; online-platform; business user; consumer; regulatory; common digital market; balance of interests.

Acknowledgments: The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation as part of the project “Conducting initiative research by young scientists” of the Presidential program of research projects implemented by leading scientists, including young ones No. 23-78-01142 “Digitalization of contractual relations: architecture of the regulatory environment, legal traditions and innovations”.

For citation: Sergeeva O.V. (2024) E-commerce in Regulatory Architecture: Searching a Balance of Interests. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 2, pp. 23–50 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2024.2.23.50

Введение

Свобода предпринимательства является важнейшим элементом экономического суверенитета¹. Ее реализации в значительной степени способствует развитие цифровых технологий и появление электронных торговых площадок, что существенно упрощает выход малого и среднего бизнеса как на отечественный, так и на зарубежный рынки. Однако преодоление территориальных барьеров посредством интернет-технологий приводит к постановке вопроса о юридических механизмах регулирования отношений в сфере электронной коммерции, об адекватном ответе российского общества на большие вызовы на базе взаимодей-

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21.02. 2023 // Российская газета. 2023. № 39.

ствия человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития.

К таким вызовам относится прежде всего качественное изменение самого правового пространства, которое формируется под воздействием новых акторов — электронных торговых площадок. Глобальный охват деятельности такого рода платформ и их широкая востребованность позволили агрегаторам диктовать договорные условия, формировать так называемое «платформенное право» [Мажорина М.В., 2019: 107–120]. В разработке норм негосударственного регулирования электронной коммерции активно участвуют и частные лица — деятели бизнес-сообщества и провайдеры интернет-услуг. Уход иностранных платежных систем из России и отказ крупнейших западных маркетплейсов доставлять товары в Россию закономерно привели к росту объемов российской интернет-торговли, дали импульс развитию отечественных электронных платформ, которые также стремятся на глобальный рынок. В свете изложенного перед российским обществом и правом стоит задача адаптироваться к новым социально-экономическим реалиям и геополитическим условиям не только путем точечных ответов на запросы среды, но путем выработки новой методологии [Мажорина М.В., 2020: 230–253].

Углубление процессов интеграции государств-членов ЕАЭС, расширение сотрудничества в рамках БРИКС, а также с другими странами и объединениями (о чем свидетельствуют, например, идея формирования Большого Евразийского партнерства или инициатива создания собственной валюты (системы расчетов) и не только в рамках БРИКС, но и в рамках сообщества латиноамериканских и карибских государств) указывают на перспективу участия российских электронных торговых площадок, бизнес-пользователей и потребителей в системе глобального товарооборота.

Цифровизация договорных связей оказала влияние не только на инструментарий, но и внесла качественные коррективы в фундамент регламентации частноправовых отношений, что требует всестороннего исследования, осмысления и выработки научного подхода к регулированию договорных отношений в Интернет-среде, принимая во внимание позитивный опыт зарубежных стран, являющихся лидерами в сфере электронной торговли, однако, ориентируясь на собственные правовые традиции.

1. Дискуссия о применимости традиционных правовых подходов к отношениям в цифровой среде

Еще в 1996 г. американский судья Ф. Истербрук на конференции по цифровому праву выступил против его квалификации в качестве самостоятельной отрасли юридических исследований. Ф. Истербрук процити-

ровал Г. Каспера, который ввел в обиход выражение «лошадиное право» и заявил, что аргументы Каспера против специализированных или «нишевых» юридических исследований применимы и к цифровому праву: «... лучший способ изучить закон, применимый к специализированным видам деятельности, — это изучить общие правила. Одни споры связаны с продажей лошадей; другие — с причинением лошадьми вреда; еще большее количество споров касается лицензирования использования лошадей и проведения скачек, или ветеринарной помощи, или распределения призовых мест на конных выставках. Любые попытки собрать эти сведения в курс «лошадиного права» обречены на поверхностность ввиду отсутствия объединяющих принципов. Изучение ста процентов споров, касающихся причинения лошадьми вреда, не передаст всей сути деликтного права. Гораздо лучше для большинства студентов — даже для тех, кто планирует заняться торговлей лошадьми, — изучить курсы права собственности, внедоговорных обязательств, коммерческих сделок и т.п., добавляя к порции «лошадиных дел» небольшое количество сделок с огурцами, кошками, углем и детскими кроватками. Только поместив «лошадиное право» в контекст более широких правил, касающихся коммерческих начинаний, можно по-настоящему понять законодательство о лошадях» [Easterbrook F., 1996: 207–208].

Понятие «лошадиное право» стало нарицательным, оно лишний раз напоминает о необходимости рассмотрения существа проблемы [Богдановская И.Ю., 2002: 119], которая заключается в том, что «уже на данном этапе глобальной цифровизации количественные изменения перешли в качественные и цифровые технологии стали диктовать свои условия, преобразуя правовые отношения изнутри» [Талапина Э.В., 2021: 21], в том числе в сфере электронной коммерции.

Научный подход Ф. Истербрука был оспорен профессором Гарвардской школы права Л. Лессигом в статье 1999 года «Лошадиное право: чему может научить киберправо» [Lessig L., 1999: 501–546], в которой утверждалось, что правовые понятия и правила должны будут эволюционировать по мере развития и расширения киберпространства, в самой архитектуре которого изначально заложены объединяющие принципы. Указывая на гетерархическую, ацентричную структуру первоначального Интернета и его глобальный охват [Kulesza J., Balleste R., 2013: 1311–1349], сторонники технологического детерминизма полагали, что правительства не в силах и не должны контролировать трансграничные электронные коммуникации² [Post D.G., 2002: 1363–1385]; что необходима такая

² См.: Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. 1996. Available at: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 17.01.2024)

парадигма сетевого управления, которая должна признавать все аспекты регулирующей власти сети [Reidenberg J.R., 1996: 911–930]; что обращение к автономному «lex informatica», «lex electronica» или «обычному торговому праву XXI в.» является адекватным способом регулирования [Reidenberg J.R., 1998: 553–593]; [Trakman L.E., 2003: 265–304].

Киберреалисты парировали, что гетерархическая структура Интернета довольно скоро была упорядочена при участии крупных онлайн-платформ, а государство «никогда не покидало сцену» [Birnhack M.D., Elkin-Koren N., 2003: 2], поскольку только оно обладает «властью, статусом и административными возможностями, чтобы стать Кантовским суперэго больших технологий» [Boyle J., 2019: 49].

В феврале 2020 года Европейская комиссия отметила, что «цифровая связь, взаимодействие в социальных сетях, электронная коммерция и цифровые предприятия неуклонно меняют наш мир», требуя нормативного ответа «в направлении цифровой трансформации, которая работает на благо человека»³. Пандемия COVID-19 ускорила трансформацию, но также обнажила фундаментальные проблемы в области цифровизации [Faraj S. et al., 2021: 1–6]. Дебаты о адекватной концепции связанного с Интернетом «киберправа» или, в более общем смысле, цифрового права, также далеки от завершения [Kettemann M.C. et al., 2022: 4]. Вместе с тем ввиду отсутствия согласованной на доктринальном и правоприменительном уровнях системы взглядов на природу отношений, осложненных цифровым элементом, регуляторная среда вынуждена опытным путем адаптироваться к новым технологическим реалиям, находясь в очевидной позиции отстающего.

Дискуссия о применимости традиционных правовых подходов к отношениям в цифровой среде не обошла стороной российские юридические круги⁴, поставив вопрос о целесообразности разработки Цифрово-

³ Communication from the European Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions «Shaping Europe's Digital Future». Available at: https://commission.europa.eu/system/files/2021-01/communication-shaping-europes-digital-future-feb2020_en_3.pdf (дата обращения: 17.01.2024)

⁴ Вопросам развития цифровых технологий и связанному с этим качественному изменению правового пространства в последнее время в доктрине уделяется много внимания. Так, сторонники концепции цифрового права стоят на позиции формирования новой отрасли права [Белых В.С., Болобонова М.О., 2020: 5–14]; [Блажеев В.В., Егорова М.А., 2020]. Другие ученые оценивают влияние цифровизации с точки зрения поиска оптимальных регуляторов новых сегментов экономической активности (цифровой экономики), исследуя комплекс отношений: имущественные отношения и цифровую форму законных платежных средств; цифровую трансформацию сферы публичных финансов; направления развития законодательства об информации; способы защиты прав в цифровой среде и ряд других правовых вопросов, вставших в связи с развитием цифро-

го кодекса и определении предмета его регулирования [Рожкова М.А., 2020: 3–13]. При этом, как справедливо отмечают специалисты, цифровое право — это совокупность весьма разноплановых правовых норм институтов и оно охватывает как частные, так и публичные аспекты правоотношений, возникающих в связи с использованием цифровых технологий.

В их числе: электронные платежи; электронный банкинг; искусственный интеллект; блокчейн; криптовалюта; цифровые активы; смарт-контракты; деятельность интернет-платформ; цифровая идентификация и аутентификация; конфиденциальность; информационная безопасность; глобальные потоки данных; цифровизация интеллектуальной собственности; защита коммерческой тайны, авторских и смежных прав, прав на товарные знаки, доменных имен и ip-адресов, патентных прав; лицензирование; киберспорт; программное обеспечение; распределение рисков, управление и обслуживание сети; диффамация; киберпреступления; электронные доказательства; онлайн-арбитраж и онлайн-посредничество⁵.

Разноотраслевой характер обозначенных сфер цифровизации наряду с традиционным жестким структурированием правовых норм по отраслевому признаку свидетельствует о невозможности их объединения в рамках единого нормативного акта. К такому ожидаемому выводу пришли и разработчики Цифрового кодекса Российской Федерации, согласно концепции которого предлагается сосредоточить усилия в сфере выработки единообразных публично-правовых норм в сфере IT и связи⁶.

Электронная коммерция, будучи двигателем прогресса и находясь в авангарде цифровых преобразований, безусловно, является частью собирательного термина «цифровое право», представляя собой совокупность отношений, возникающих в связи с заключением сделок посредством сети Интернет, а также при продвижении товаров, работ, услуг и иных объектов гражданских прав в сети Интернет [Савельев А.И., 2016]. Хотя ядром понятия электронной коммерции являются договорные, т.е.

вой экономики [Кучеров И.И., Сеницын С.А., 2022]; [Вайпан В.А., Егорова М.А., 2019]; [Михайлов А.В., 2019: 7–13]; [Василевская Л.Ю., 2020: 105–117]; [Харитонов Ю.С., Сунь Ци, 2022: 3–8]; [Ефимова Л.Г., 2021: 52–62]; [Северин В.А., 2022: 22–26]; [Сеницын С.А., 2020] и др.

⁵ См. подробнее: Рожкова М.А. Цифровое право (Digital Law) — что это такое и чем оно отличается от киберправа / интернет-права / компьютерного права? // Закон.ру. 2020. 15 марта. Available at: URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/15/cifrovoe_pravo_digital_law_-chto_eto_takoe_i_chem_ono_otlichaetsya_ot_kiberpravainternet-pravakompy (дата обращения: 17.01.2024)

⁶ Available at: URL: <https://ai.gov.ru/mediacenter/mintsifry-rf-podgotovilo-proekt-kontseptsii-tsifrovogo-koдекsa-dlya-regulirovaniya-it-i-telekoma/> (дата обращения: 17.01.2024)

частноправовые отношения, необходимо понимать публично-правовую оболочку этого явления, формирующую основы торговой деятельности в цифровом пространстве.

2. Электронная коммерция в правовом измерении

Глобализация торговли вследствие развития новых способов коммуникации, прежде всего в контексте электронной коммерции, обусловила стремление выработать на международном уровне универсальный подход к регулированию договорных отношений в Интернет-среде [Дорони́на Н.Г., 2023: 451]. Определенные шаги в этом направлении были предприняты Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), которая разработала, в частности, Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле» 1996 г.⁷ (далее — Типовой закон). Его целью является облегчение торговли с использованием электронных средств путем предоставления в распоряжение национальных законодателей свода признанных на международном уровне норм, направленных на устранение правовых препятствий для электронной торговли и повышение ее юридической предсказуемости.

Под электронной торговлей в Типовом законе понимается заключение сделок с помощью электронного обмена данными и других средств передачи данных, которые предусматривают использование альтернативных бумажным формам методов передачи и хранения информации. «Сообщение данных» означает информацию, подготовленную, отправленную, полученную или хранимую с помощью электронных, оптических или аналогичных средств, включая электронный обмен данными (ЭДИ), электронную почту, телеграмму, телекс или телефакс, но не ограничиваясь ими. Сфера применения Типового закона не ограничена — его положения могут быть одинаково использованы для регулирования как трансграничных, так и внутренних механизмов передачи сообщений данных, а также равным образом коммерческих и потребительских отношений.

Законодательство, разработанное на основе или под влиянием Типового закона, принято в 164 юрисдикциях в 84 государствах, в том числе в Австралии, Канаде, Китае, Колумбии, Франции, Индии, Иране, Ирландии, Мексике, Пакистане, Словении, Великобритании, США. Хотя очевидно, что Типовой закон, понимающий под электронной торговлей обмен сообщениями посредством электронных средств связи, значительно отстал от сегодняшних цифровых реалий, тем не менее на его

⁷ Принят 28.05–14.06.1996. на 29-й сессии ЮНСИТРАЛ) // СПС КонсультантПлюс

положения до сих пор ссылаются при рассмотрении споров, в том числе, связанных с заключением договоров нестандартными способами, например, посредством отправки эмодзи⁸.

Разработанные в последующем типовые законы «Об электронных подписях» (2001)⁹, «Об электронных передаваемых записях» (2017)¹⁰, «Об использовании и трансграничном признании управления иденти-

⁸ Так, в деле *South West Terminal Ltd v. Achter Land & Cattle Ltd* (истец — компания по торговле зерном и сельскохозяйственными культурами) обратился с иском к фермерской корпорации о возмещении убытков, вызванных неисполнением договора. Как следует из материалов дела, на протяжении десятилетия ответчик поставлял истцу зерно. В марте 2021 года представитель истца разослал поставщикам, в том числе представителю ответчика текстовое сообщение о готовности купить лен. Представитель ответчика отреагировал телефонным звонком. На основании этого разговора представитель истца подготовил контракт на закупку 86 тонн льна по цене 17 дол. США за бушель со сроком поставки «ноябрь», поставил свою подпись под контрактом, сфотографировал подписанный договор на свой мобильный телефон и отправил фотографию представителю ответчика с текстовым сообщением: «Пожалуйста, подтвердите договор льна». Представитель ответчика отреагировал сообщением, содержащим эмодзи «палец вверх». Однако ответчик не поставил лен истцу в оговоренный срок, при этом на конец ноября оптовая цена на лен составляла уже 41 доллар за бушель. Суд пришел к выводу, что стороны установили практику заключения контрактов путем обмена сообщениями в мессенджере: представитель ответчика посредством отправки текстовых сообщений «Ок» и «ага» выражал согласие на заключение контрактов, которые ответчик в конечном итоге исполнял. Таким образом, стороны согласовали обозначенный механизм заключения контрактов. Основываясь на этой практике, а также на общем понимании значения эмодзи «палец вверх» как выражения согласия, суд установил, что, отправив эмодзи, представитель ответчика принял договорное предложение, а не подтвердил его получение, как настаивал ответчик. Суд также установил, что в данных обстоятельствах эмодзи «палец вверх» представлял собой «действие в электронной форме», которое свидетельствует о выражении согласия, как это признано разделом 18 Закона «Об электронной информации и документах» (2000), который вводит в действие ст. 11 Типового закона провинции Саскачеван (Канада). Суд также указал, что эмодзи «палец вверх» хотя и является нетрадиционным средством подписи документа, в данных обстоятельствах отвечает требованиям, содержащимся в ст. 7 Типового закона, поскольку позволяет идентифицировать подписавшее лицо по его уникальному номеру мобильного телефона и сообщить о согласии с контрактом. См.: *South West Terminal Ltd. v Achter Land*, 2023 SKKB 116 (CanLII). Available at: <https://canlii.ca/t/jxq15> (дата обращения: 18.01.2024)

⁹ Типовой Закон ЮНСИТРАЛ «Об электронных подписях» (принят в Вене 05.07.2001 на 34-й сессии ЮНСИТРАЛ) // СПС КонсультантПлюс. Законодательство, разработанное на основе или под влиянием настоящего Типового закона, принято в общей сложности в 40 юрисдикциях в 39 государствах (преимущественно Азии, Африки и Латинской Америки).

¹⁰ Available at: URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/mletr_ebook_r.pdf (дата обращения: 18.01.2024). Законодательство на основе Типового закона «Об электронных передаваемых записях» или под его влиянием было принято в 8 государствах и в 8 юрисдикциях; это — Бахрейн, Белиз, Папуа-Новая Гвинея, Парагвай, Сингапур, Объединенные Арабские Эмираты (Центр мирового рынка Абу-Даби), Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии).

фикационными данными и удостоверительных услуг» (2022)¹¹, а также Конвенция ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» (2005)¹² направлены на регламентацию отдельных аспектов взаимодействия субъектов электронной коммерции и не получили широкого признания. Таким образом, деятельность ЮНСИТРАЛ продемонстрировала невыполнимость задачи создания универсального, гибкого, международного правового регулирования в сфере электронной торговли, идущего в ногу с развитием цифровых технологий и отвечающего современным запросам общества. В ситуации, когда национальное законодательство различных стран идет на ощупь, а ученые даже в рамках одного правового порядка концептуально расходятся во взглядах, едва ли можно достичь консенсуса на международном уровне, принимая во внимание, помимо всего прочего, различия в правовых системах и стремление глобальных электронных платформ к саморегулированию.

Одновременно региональное интеграционное сотрудничество государств, прежде всего в сфере производства и торговли послужило импульсом к совершенствованию правовых основ взаимодействия с учетом глобальной цифровой трансформации. Так, задача формирования единого экономического и правового пространства в рамках Европейского союза, провозглашенная в учредительных документах [Белоусова О.В., 2011: 140–145], обусловила необходимость разработки общих правил регулирования европейского цифрового рынка.

Отдельные акты ЕС, принятые изначально в целях урегулирования договорных отношений, возникающих в традиционном формате, к нашему времени согласованы для применения и к онлайн-сделкам¹³. Дополнительно был принят массив актов, устанавливающих минимальные

¹¹ Available at: URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/mlit_ru.pdf (дата обращения: 18.01.2024)

¹² Конвенция Организации Объединенных Наций «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» от 23.11.2005 // Бюллетень международных договоров. 2018. № 6. В Конвенции участвуют 18 государств, в числе которых Азербайджан, Камерун, Монголия, Черногория, Парагвай, Сингапур. Конвенция вступила в силу для России 1.08.2014.

¹³ Директива Совета Европейских сообществ от 05.04.1993 № 93/13/ЕЭС «О несправедливых условиях в договорах с потребителями»; Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 25.10.2011 № 2011/83/ЕС «О правах потребителей, изменяющая Директиву 93/13/ЕЭС Совета ЕС и Директиву 1999/44/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС и отменяющая Директиву 85/577/ЕЭС Совета ЕС и Директиву 97/7/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС»; Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза от 17.06.2008 № 593/2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»)»; Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза от 12.12.2012 № 1215/2012 «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» // СПС КонсультантПлюс.

обязательные стандарты, прежде всего, в сфере защиты прав потребителей при заключении дистанционных контрактов¹⁴. Были установлены требования, предъявляемые к информированию потребителей, качеству товаров и услуг, формированию справедливых договорных условий, использованию средств правовой защиты, а также к реализации принципов недискриминации и обеспечения доступа к правосудию.

В то же время сложилось мнение, что в условиях цифровой трансформации основной целью договорного права становится не столько защита автономии сторон и достижение баланса их интересов, сколько содействие развитию цифрового рынка. Последствия перехода к этой рыночной парадигме не ограничиваются модернизацией материального договорного права, но распространяются также на подходы к регулированию в международном частном праве, правоприменительную и частную договорную практику [Kettemann M.C. et al., 2022: 145].

Вместе с тем акцент на упрощение рыночных процедур, присутствующий в договорном праве ЕС, не является новеллой эпохи цифровизации, он всегда лежал в основе идеи единого европейского рынка. Тот же так называемый потребительский подход ЕС даже до появления цифровизации уделял большое внимание укреплению доверия потребителей в контексте осуществления трансграничных сделок. Однако на практике до появления механизмов онлайн-продаж трансграничное потребление было существенно ограничено. Бесспорно, у коммерсантов была возможность физически перевозить товары через границы, чтобы предлагать их потребителям по всей Европе, и ЕС долгое время делал все возможное для поддержания этого процесса. Однако только благодаря цифровизации договорных отношений рыночно-ориентированный подход к потребительским контрактам смог достичь нынешней степени реализации, а сам ЕС в качестве основной повестки дня заявляет преобразование единого европейского рынка в единый цифровой рынок [Nyman-Metcalf K., Parageorgiou I.F., 2018: 7–23].

Электронная коммерция является ключевым фактором роста в рамках внутреннего рынка ЕС. Технологическая эволюция привела к росту рынка товаров, которые включают в себя цифровой контент или цифро-

¹⁴ Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 08.06.2000 № 2000/31/ЕС «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности об электронной торговле»; Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 23.09.2002 № 2002/65/ЕС «О дистанционном маркетинге потребительских финансовых услуг»; Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 21.05.2013 № 2013/11/ЕС «Об альтернативном разрешении споров с участием потребителя»; Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза от 21.05.2013 № 524/2013 «Об онлайн-урегулировании споров с участием потребителей» // СПС КонсультантПлюс.

вые услуги или взаимосвязаны с ними. Однако полный потенциал внутреннего рынка может быть раскрыт только при условии обеспечения всех участников рыночной деятельности удобным доступом к трансграничной продаже товаров, включая онлайн-сделки. Таким образом, в целях формирования единого цифрового рынка, исходя из необходимости надежной защиты прав потребителей, повышения уровня правовой определенности и сокращения операционных расходов, в частности, малых и средних предприятий, в 2019 г. Европарламент и Совет Евросоюза приняли директивы «О некоторых аспектах контрактов на продажу товаров»¹⁵ и «О некоторых аспектах контрактов на поставку цифрового контента и цифровых услуг»¹⁶. Директивы направлены на гармонизацию правил в отношении требований о соответствии товаров условиям контракта, а также средств правовой защиты в случае несоответствия товаров условиям контракта.

Изначально, принимая во внимание «цифровую повестку дня», проект Директивы «О некоторых аспектах, касающихся контрактов на продажу товаров» предусматривал ограничение сферы ее применения дистанционными потребительскими отношениями¹⁷. Однако впоследствии было решено распространить ее действие на все потребительские продажи, поскольку различные нормы права ЕС для онлайн- и оффлайн-контрактов привели бы к неоправданному дроблению «законодательства». Тем не менее именно потребности трансграничных онлайн-рынков доминируют в содержании Директивы, тем самым подтверждая тезис о том, что парадигмы цифрового мира вполне соотносятся с традиционными потребительскими продажами. Об этом свидетельствует и тождественность правовых подходов обеих директив, что также объясняется постепенным размытием границ между контрактами на продажу товаров и на поставку цифрового контента, например, в случае продажи материальных вещей, содержащих цифровые компоненты.

Обращает на себя внимание отказ от принципа минимальной гармонизации, доминировавший ранее в потребительском праве ЕС¹⁸, в поль-

¹⁵ Директива Европарламента и Совета Евросоюза 2019/771 от 20.05. 2019 // СПС Гарант.

¹⁶ Директива Европарламента и Совета Евросоюза 2019/770 от 20.05. 2019 // СПС Гарант.

¹⁷ Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on certain aspects concerning contracts for the online and other distance sales of goods // COM/2015/0635 final — 2015/0288 (COD). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2015:635:FIN> (дата обращения: 19.01.2024)

¹⁸ См., напр.: Директива № 1999/44/ЕС Европарламента и Совета Евросоюза «О некоторых аспектах продажи потребительских товаров и о гарантиях» // СПС КонсультантПлюс. Документ утратил силу с 01.01.2022 в соответствии с Директивой № 2019/771 Европарламента и Совета Евросоюза.

зу принципа полной гармонизации, нашедшего отражение, в частности, в Директиве «О некоторых аспектах контрактов на продажу товаров» (ст. 4). Если принцип минимальной гармонизации подразумевает защитные стандарты ЕС как своего рода «порог», который может быть превышен национальным законодательством государств-членов в пользу потребителей, принцип полной гармонизации определяет не только минимальный, но и максимальный уровень защиты потребителей, который может потребоваться государствам-членам в качестве «потолка». Основным аргументом в пользу такого подхода являлся тезис о необходимости обеспечения равной конкуренции между всеми предприятиями на общеевропейском онлайн-рынке, что благоприятным образом отразится на интенсивности трансграничного товарооборота¹⁹.

Следует отметить, что в целях облегчения трансграничной электронной торговли в ЕС также приняты меры, направленные на защиту прав и интересов не только потребителей, но и профессиональных участников онлайн-рынка — малых и средних предприятий (бизнес-пользователей). В частности, заслуживает внимания Регламент «Об обеспечении справедливости и прозрачности в отношениях между бизнес-пользователями и сервисами электронной коммерции»²⁰ (далее — Регламент), в преамбуле которого подчеркивается потенциальная зависимость достижения предприятиями коммерческого успеха от сервисов электронной торговли. Учитывая их глобальный масштаб деятельности, разработчики Регламента предусмотрели его применение к провайдером указанных сервисов независимо от места их учреждения (в государстве-члене ЕС или за пределами Союза) при соблюдении в совокупности двух условий: 1) местом учреждения бизнес-пользователя является государство-член ЕС; 2) бизнес-пользователи посредством онлайн-платформ предлагают товары или услуги потребителям, проживающим в государстве-члене ЕС. Нормы Регламента имеют обязательную силу независимо от права, подлежащего применению к договору, заключенному между бизнес-пользователем и онлайн-платформой.

Регламент применяется, когда условия договорных отношений в одностороннем порядке установлены провайдером сервисов электронной коммерции. При этом Регламент определяет требования к таким условиям, а также предусматривает создание внутренней системы рассмотрения претензий бизнес-пользователей, порядок досудебного урегулирования споров и представительства репрезентативными

¹⁹ Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on certain aspects concerning contracts for the online ...

²⁰ Регламент Европарламента и Совета Евросоюза 2019/1150 от 20.06.2019 «Об обеспечении справедливости и прозрачности в отношениях между бизнес-пользователями и сервисами электронной коммерции» // СПС Гарант.

организациями бизнес-пользователей в компетентных национальных судах ЕС. Таким образом, авторы Регламента предприняли попытку защитить бизнес-пользователей онлайн-платформ, вовлеченных в трансграничные отношения, от необходимости обращения в судебные органы чуждого для них правопорядка и применения не знакомых им норм права посредством возложения дополнительных обязанностей на онлайн-платформы по созданию системы внесудебного разрешения споров [Доронина Н.Г., 2023: 71].

Шаги к унификации правового регулирования электронной торговли сделаны и на постсоветском пространстве. На 31-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 25.11.2008 был принят Модельный закон «Об электронной торговле»²¹ (далее — Модельный закон). Он содержит правила о порядке оформления сделок при электронной торговле; о правах и обязанностях участников электронной торговли; об организации обмена электронными сообщениями при оформлении и совершении электронных сделок; об безопасности при осуществлении электронной торговли; о международных электронных сделках. Модельный закон впервые закрепил необходимый понятийный аппарат, а также заложил правовые основы регулирования электронной коммерческой деятельности, что свидетельствует о его большей, в отличие от одноименного Типового закона ЮНСИТРАЛ, ориентированности на страны романо-германской правовой семьи и отражает направленность Модельного закона на потребности евразийской интеграции [Козинец Н.В., 2015: 229-239].

20.06.2023 Коллегия Евразийской экономической комиссии одобрила проект Соглашения «Об электронной торговле в Евразийском экономическом союзе»²² (далее — проект Соглашения ЕАЭС) и направила его государствам-членам Евразийского экономического союза на для внутригосударственное согласование. Очевидно, что рыночно-ориентированный подход воспринят и странами евразийского пространства: для расширения экономического сотрудничества необходимо обеспечить функционирование внутреннего рынка, значительная доля которого перешла на цифровые рельсы.

Проект Соглашения ЕАЭС исходит из довольно узкого понимания электронной торговли, ограниченного сделками B2C (business to

²¹ Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2009. № 43. С. 268–293.

²² Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20.06.2023 № 88 «О проекте Соглашения об электронной торговле в Евразийском экономическом союзе». Available at: URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01040203/err_22062023_88 (дата обращения: 23.01.2024)

consumer), осуществляемыми посредством электронной торговой площадки, и не учитывает иные потенциальные варианты взаимодействия сторон — B2B (business to business) и C2C (consumer to consumer). Под электронной торговой площадкой понимается фактически любой сайт (не только агрегатора, но и продавца), обеспечивающий реализацию товара потребителю дистанционным способом.

Проект Соглашения ЕАЭС — преимущественно рамочный документ, содержит вместе с тем и некоторые конкретные нормы, которые в случае его принятия будут применяться непосредственно. Это относится, в частности, к нормам о защите прав потребителей. Так, по п. 3 ст. 5 проекта Соглашения ЕАЭС потребитель вправе отказаться от товара надлежащего качества в течение 14 календарных дней с даты его получения. Вместе с тем проект допускает альтернативу в виде права государств-членов установить иной срок, что полностью нивелирует изначальное императивное положение, лишая его смысла, поскольку установление иного срока (который может быть как длиннее, так и короче) отражается на защите прав потребителей. При этом в государствах-членах заявленные сроки возврата товара надлежащего качества могут отличаться, что идет вразрез с целью проекта — введением единых правил электронной торговли в рамках Союза.

В п. 4. ст. 5 проекта Соглашения ЕАЭС специально устанавливается обязанность профессионального участника электронной торговли возместить потребителю в случае его отказа от товара надлежащего качества уплаченные денежные средства, за исключением расходов на доставку от потребителя возвращенного товара. Решение о возмате таких расходов остается на усмотрении профессионального участника электронной торговли. Буквальное толкование вышеизложенных правил позволяет сделать вывод: при возврате товара надлежащего качества продавец или агрегатор вправе удержать из суммы подлежащих возврату уплаченных денежных средств стоимость обратной доставки.

Пункты 7 и 8 ст. 5 проекта Соглашения ЕАЭС касаются порядка оплаты товаров в безналичной форме, в частности, государства-члены должны обеспечить свободное использование участниками электронной торговли национальных платежных систем государств-членов, а профессиональные участники должны обеспечить возможность оплаты потребителями товаров с использованием всех национальных платежных систем государств-членов. Таким образом, проект Соглашения ЕАЭС имеет целью не только создать условия для осуществления электронной торговли, но и защитить национальные интересы стран-участниц в условиях международной нестабильности и ограничительной (санкционной) экономической политики отдельных государств. Очевидно,

что указанные пункты проекта Соглашения потребуют значительных усилий в сфере межгосударственного сотрудничества в банковском секторе, но, в случае их реализации на территории всех государств-членов, создадут прочную основу для формирования подлинно внутреннего рынка ЕАЭС.

Задаче защиты национальных интересов государств-членов ЕАЭС отвечает и п. 3 ст. 4 проекта Соглашения, дающий им право установить требования к максимальной доле участия капитала из третьих стран в основном капитале и (или) к составу руководящих органов профессиональных участников электронной торговли. Как отмечают эксперты, площадки электронной торговли относятся к «уязвимой критической инфраструктуре», а предлагаемая норма направлена на то, чтобы создать «некую страховку, защитить внутренних потребителей»²³. Подобные ограничения в отношении иностранных лиц предусмотрены в российском законодательстве, например, в отечественном Законе «О средствах массовой информации»²⁴ и касаются учреждения средства массовой информации и организации (юридического лица), осуществляющей вещание, а также в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²⁵ применительно к владению аудиовизуальными сервисами.

Глава российской Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ) предположил, что п. 3 ст. 4 проекта направлен на «приземление» зарубежных компаний на пространстве ЕАЭС, т.е. создание филиалов или представительств на его территории²⁶. Указанный подход также нашел отражение в российском законодательстве. Федеральным законом 2021 г.²⁷ установлены условия ее осуществления, к которым, среди прочего, относится создание филиала, или открытие представительства, или учреждение российского юридического лица и обеспечение их функционирования на территории России, в том числе в целях приема и рассмотрения обращений российских граждан и организаций к ино-

²³ Available at: URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/01/2023/63c13eb69a7947688f6bea0a (дата обращения: 24.01.2024)

²⁴ Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. № 32.

²⁵ Федеральный закон от 27.07. 2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

²⁶ Available at: URL: <https://gkgz.ru/eaes-rassmotrit-vozmozhnost-ogranicheniya-inost-rannogo-vladieniya-v-marketplejsah/> (дата обращения: 24.01.2024)

²⁷ Федеральный закон от 1.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5064.

странному лицу, исполнения решений судов, принятых в отношении такого иностранного лица, и др.

Следует отметить, что несмотря на неоднократные попытки российских властей разработать и согласовать законодательный акт об электронной торговле²⁸, в российской правовой системе такой документ пока отсутствует. В то же время законы об электронной торговле действуют в ряде стран постсоветского пространства, в частности, в Азербайджане²⁹ (2005), Кыргызстане³⁰ (2021), Таджикистане³¹ (2022), Узбекистане³² (2022). С 2019 года Закон «Об электронной торговле»³³ действует в Китае.

В России в настоящее время идет активное обсуждение законопроекта № 445923-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации” и в статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей” (в части организации деятельности маркетплейсов)»³⁴. Законопроект вводит понятийный аппарат; устанавливает особенности взаимодействия между владельцами маркетплейсов, продавцами товаров и владельцами пунктов выдачи заказов (в частности, согласно законопроекту, условия договоров могут пересматриваться не чаще одного раза в год; не менее чем за 30 календарных дней

²⁸ Проект федерального закона № 11081-3 «Об электронной торговле» (внесен в Государственную Думу 3.10.2000, принят в первом чтении 6.06.2001, 23.04.2004 отклонен и снят с дальнейшего рассмотрения); проект федерального закона № 47432-3 «Об электронной торговле» (внесен в Государственную Думу 12.01.2001, 6.06. 2001 снят с рассмотрения в связи с отзывом субъектом права законодательной инициативы); проект федерального закона № 132754-4 «Об электронной торговле» (внесен в Государственную Думу 24.01.2005, 13.09 2005 снят с рассмотрения в связи с отзывом субъектом права законодательной инициативы); проект федерального закона № 136018-4 «Об электронной торговле» (внесен в Государственную Думу 31.01.2005, 13.09.2005 снят с рассмотрения в связи с отзывом субъектом права законодательной инициативы); проект федерального закона № 310163-4 «Об электронной торговле» (внесен в Государственную Думу 16.06.2006, 15.06.2011 отклонен).

²⁹ Закон Азербайджанской Республики от 10.05.2005 № 908-ПQ «Об электронной торговле» // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2005. № 7. Ст. 564.

³⁰ Закон Кыргызской Республики от 22.12. 2021 № 154 «Об электронной торговле» // Эркин То. 2021. № 155.

³¹ Закон Республики Таджикистан от 24.12.2022 № 1921 «Об электронной торговле» // БД «Законодательство стран СНГ».

³² Закон Республики Узбекистан от 29.09. 2022 № ЗРУ-792 «Об электронной коммерции» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. 2022. № 03/22/792/0870.

³³ Закон Китайской Народной Республики «Об электронной торговле» от 31.08.2018. Available at: https://ipkey.eu/sites/default/files/documents/resources/PRC_E-Commerce_Law.pdf (дата обращения: 25.01.2024)

³⁴ Внесен в Государственную Думу 25.09.2023; включен в примерную программу решением Государственной Думы на март 2024 года.

стороны должны уведомлять о намерении изменить условия договоров и (или) заключить новый договор); определяет порядок применения маркетплейсами штрафных санкций в отношении контрагентов; предусматривает запрет на одностороннее ограничение доступа к личному кабинету продавца товара и (или) владельца пункта выдачи заказа и др.

В целом законопроект является реакцией на многочисленные регулярно возникающие в последнее время спорные ситуации в сфере электронной торговли, требующие повышенного внимания с точки зрения защиты прав всех заинтересованных лиц. В то же время юридическое сообщество находит необходимыми дополнительные обсуждения законопроекта. В частности, по мнению участников общественной экспертизы законопроекта, требует дополнительной проработки предложение об ограничении периодичности пересмотра любых условий договора. Например, подобное ограничение (с целью защиты слабой стороны в договоре) установлено в ч. 3 ст. 614 Гражданского кодекса применительно к договору аренды. При этом оно действует только применительно к условию об арендной плате. Поэтому эксперты предлагают определить в законопроекте, к каким именно условиям договора должно применяться правило, ограничивающее периодичность их пересмотра³⁵.

Вместе с тем есть причины положительно оценить концепцию специального регулирования электронной торговли, так как в условиях цифровизации бизнес-среды установление баланса между реализацией принципов свободы договора и защиты слабой стороны сделки, на взгляд автора настоящей статьи, возможно лишь посредством введения специальных императивных нормативных предписаний. Такой механизм регулирования позволил бы определить пределы свободы договора и критерии охраны интересов сторон через нормативно закреплённые обязанности участников сделки (например, относительно прозрачности, доступности условий договора, сроков и способов уведомления об изменении таких условий, распределения рисков и др.), что соответствовало бы задаче реализации в российском законодательстве и правоприменительной практике принципа правовой определённости. При этом речь должна идти о мерах защиты прав и интересов не только потребителей, но и бизнес-пользователей, что отвечало бы современным тенденциям правового регулирования электронной торговли.

³⁵ Заключение Общественной палаты Российской Федерации по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона № 445923-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации” и в статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей”». Available at: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/445923-8> (дата обращения: 25.01.2024)

Безусловно, цифровизация общества и возникновение новых отношений не препятствуют применению принципов договорного права, которые вполне могут наполняться особым содержанием [Волос А.А., 2023: 157–167]. Однако в этой ситуации особенно большое значение приобретает их толкование, что открывает широкие возможности судебного усмотрения и не обеспечивает в должной степени предсказуемости судебного решения³⁶. Пожалуй, законодательное регулирование в большей степени, нежели судебное правотворчество, будет соответствовать традициям континентальной правовой системы, что подтверждается, в частности, рассмотренным выше опытом Евросоюза.

3. Модели негосударственного регулирования в сфере электронной торговли

Рост числа онлайн-платформ является одним из наиболее значимых экономических и социальных событий последних лет, вызвавшим споры о необходимости корректировки нормативной базы таким образом, чтобы она учитывала меняющуюся структуру рынка. Конструктивные идеи предлагает и экспертное сообщество. В частности, Европейский юридический институт (European Law Institute)³⁷ подготовил Европейские модельные правила для онлайн-платформ³⁸ (далее — Модельные правила), «призванные обеспечить «визуализацию того, как может выглядеть сбалансированный правовой подход».

При разработке Модельных правил изучалось право ЕС, законодательство государств-членов, судебная практика, а также международные стандарты. Целью документа является формулирование правил, способствующих справедливости и прозрачности в отношениях между операторами и пользователями платформы. Модельные правила могут служить образцом для национальных, европейских и международных законодателей, а также источником вдохновения при разработке актов саморегулирования и стандартизации.

³⁶ В частности, юридическим сообществом было критически оценено определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6.06.2023 № 16-КГ23-6-К4, вынесенное по иску Анохина С.Н. к ОАО «Торговый дом ЦУМ» // СПС КонсультантПлюс.

³⁷ Европейский юридический институт (Вена, Австрия) — независимая некоммерческая организация, созданная для инициирования, проведения и содействия исследованиям, выработки рекомендаций и практических руководств в области развития европейского права. Available at: <https://www.europeanlawinstitute.eu/about-eli/> (дата обращения: 25.01.2024)

³⁸ Report of the European Law Institute «Model Rules on Online Platforms», 2019. Available at: https://www.europeanlawinstitute.eu/fileadmin/user_upload/p_eli/Publications/ELI_Model_Rules_on_Online_Platforms.pdf (дата обращения: 25.01.2024)

Правила предназначены для применения в отношении платформ, которые: а) дают клиентам возможность заключать договоры на поставку товаров, услуг или цифрового контента с поставщиками в цифровой среде, контролируемой оператором платформы; б) дают поставщикам возможность размещать рекламу в цифровой среде, контролируемой оператором платформы; в) оказывают клиентам сравнительные или иные консультативные услуги по идентификации соответствующих поставщиков товаров, услуг или цифрового контента и направляют клиентов на веб-сайты этих поставщиков или предоставляют контактные данные; или г) обеспечивают пользователям платформы возможность оставлять отзывы о поставщиках, клиентах, товарах, услугах или цифровом контенте, предлагаемом поставщиками, через репутационную систему (reputation system).

Данные правила предусматривают общие обязательства операторов платформы перед пользователями платформы, в числе которых: прозрачность информации, рейтингов и условий контракта; общие требования к репутационным системам, в том числе касающиеся критериев профессиональной проверки репутационных систем, порядка переноса отзывов с одной онлайн-платформы на другую, защиты пользователей, реагирования на вводящую в заблуждение информацию, предоставленную пользователями, средств связи для направления уведомлений и коммуникации через платформу, одностороннего изменения договора с пользователем платформы. Так, по ст. 12 Модельных правил оператор платформы вправе в одностороннем порядке изменять условия договора между платформой и пользователем при условии соблюдения следующих требований: а) уведомление об изменении условий пользователь получает не позднее, чем за месяц до вступления изменения в силу; и б) изменение условий отвечает требованиям добросовестности [Волос А.А., 2023: 128–137].

При этом оператору платформы не обязательно соблюдать заявленный срок уведомления, если внесение изменений требуется в связи с внезапным изменением законодательства или для устранения неизбежного риска кибербезопасности. Вместе с уведомлением об изменении условий договора пользователь должен получить копию пересмотренных условий вместе с объяснением того, что было изменено. Пользователь платформы, в свою очередь, вправе расторгнуть договор с платформой в случае изменения условий без соблюдения какого-либо срока уведомления, который применялся бы в противном случае. Уведомление, направляемое платформой, должно информировать пользователя об этом праве.

Модельные правила содержат и иные обязанности оператора платформы перед клиентами, а также перед поставщиками, определяют

порядок рассмотрения жалоб третьих лиц, а также предусматривают ответственность за ненадлежащее исполнение обязательств и порядок возмещения вреда.

В целом данные правила могут служить не только ориентиром для российских законодателей, но также приниматься во внимание при разработке стандартов деятельности в сфере электронной коммерции на пространстве ЕАЭС. Так, ст. 8 проекта Соглашения ЕАЭС предусматривает создание в рамках Союза добровольных объединений в целях саморегулирования в сфере электронной торговли на едином рынке и налаживания взаимодействия уполномоченных органов с профессиональными участниками электронной торговли. Такие объединения по согласованию с Комиссией ЕАЭС будут вправе устанавливать правила и стандарты деятельности, обязательные в отношении своих членов (совокупный объем электронной торговли которых должен составлять не менее 15% от объемов взаимной электронной торговли в рамках Союза).

При этом членами такого объединения по проекту Соглашения должны в обязательном порядке быть «системно значимые профессиональные участники электронной торговли», т.е. которые оказывают влияние на устойчивость единого рынка, осуществляют электронную торговлю на территориях как минимум трех государств-членов и объемом электронной торговли которых превышает 10% от объемов взаимной электронной торговли в рамках Союза.

Такая модель «надгосударственного саморегулирования» является спорной. Во-первых, обязательность участия лица в объединении автоматически лишает объединение статуса добровольного. Во-вторых, необходимость согласования с Комиссией разработанных добровольным объединением правил и стандартов деятельности профессиональных участников электронной торговли противоречит природе саморегулирования. При этом проект Соглашения не определяет аспекты, требующие согласования, из чего следует вывод об обязанности согласовывать любые новые правила и стандарты, разработанные добровольным объединением.

Платформизация торговых отношений закономерно привела к необходимости нахождения баланса между рыночными и административными инструментами управления деловой средой, что является трудной задачей даже в рамках одного государства. В свою очередь, создание единого цифрового рынка ЕАЭС предполагает выработку подходов, которые не только позволят содействовать привлечению капиталов, но и обеспечат защиту прав участников электронной торговли, а также национальных интересов государств-членов. Вместе с тем такие подходы не должны противоречить общим принципам правового регулирования торговых отношений.

В то же время участники рынка электронной торговли не лишены права самостоятельно устанавливать правила бизнеса в той мере, в какой это не противоречит действующему законодательству. Так, российскими онлайн-платформами были разработаны и 07.06.2022 согласованы для применения Стандарты взаимодействия маркетплейсов с продавцами товаров³⁹ (далее — Стандарты). Как следует из документа, Стандарты разработаны в целях саморегулирования интернет-торговли, создания добросовестных практик взаимодействия маркетплейсов с продавцами товаров, предупреждения недобросовестной конкуренции и содействия в удовлетворении потребностей покупателей в качественных потребительских товарах.

Стандарты предусматривают обязанность маркетплейсов уведомлять продавцов товаров об ухудшающихся условиях оферты (увеличении объема обязанностей продавца товаров, уменьшении объема прав продавца товаров, увеличении комиссии или стоимости услуг) в срок не позднее 14 дней до вступления в силу новой оферты, либо в тот же срок, который требуется на возврат товара со склада маркетплейса. Если маркетплейс осуществляет поддержку нескольких оферт, срок такого уведомления составляет 7 дней до размещения обновленной версии оферты. В ином случае, т.е. в случае невыполнения обязанности своевременного уведомления, действие новой оферты не распространяется на товарные остатки, отгруженные по ранее действовавшей оферте, до акцепта новой оферты самим продавцом товаров. При этом указанное требование не распространяется на случаи, когда оферта была изменена вступившим в силу решением суда или в связи с изменениями в законодательстве.

Как показывает практика, проблема одностороннего изменения условий пользовательского соглашения является одним из краеугольных камней современного «права электронной торговли». Если государство в целях защиты прав и интересов потребителей и бизнес-пользователей стремится жестко контролировать коммерческую деятельность в Интернет-среде, онлайн-платформы заинтересованы в сохранении статус-кво и в праве самостоятельно определять «правила игры» исходя из рыночной ситуации. Хотя, как следует из Стандартов, онлайн-платформы готовы пойти на некоторые уступки, связанные с принятием дополнительных обязанностей по

³⁹ Available at: URL: <https://admin.akit.ru/wp-content/uploads/2022/08/Standarty-po-vzaimodejstviyu-marketplejsov-s-prodavtsami-tovarov-red.-03.06.2022.pdf> (дата обращения: 29.01.2024). Стандарты подписаны от имени Ассоциации компаний Интернет-торговли (АКИТ), Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ», Ассоциации производителей фирменных торговых марок «Русбренд», Ассоциации производителей и поставщиков продуктов питания «Руспродсоюз», ООО «Вайлдберриз», ООО «Интернет Решения» (OZON), ООО «Яндекс» (Яндекс.Маркет), ООО «Купишуз» (Lamoda).

уведомлению клиентов при изменении условий оферты, принципиальная позиция относительно того, что реализация онлайн-платформой прав по договору (включая одностороннее изменение условий договора) не является злоупотреблением правом, остается неизменной. Это возвращает юристов к извечной дискуссии о пределах свободы договора.

Заключение

Цифровые платформы не только служат ареной возникновения, изменения и прекращения договорных отношений, но и являются непосредственными субъектами таких правоотношений, а также акторами, формирующими правовой инструментарий в Интернет-среде. Трансграничный характер деятельности цифровых платформ предопределил стремление юридического сообщества выработать на международном уровне универсальный подход к правовому регулированию электронной торговли. Вместе с тем анализ деятельности ЮНСИТРАЛ показал невыполнимость создания универсального, гибкого, международного правового регулирования договорных отношений в Интернет-среде, соответствующего нынешнему уровню развития цифровых технологий и отвечающего современным запросам общества. В ситуации, когда феомирование национального законодательства многих стран в сфере электронной торговли затягивается, ученые даже в рамках одного правового порядка расходятся во взглядах, а глобальные электронные платформы стремятся к саморегулированию, едва ли можно добиться согласия на международном уровне

В то же время региональное интеграционное сотрудничество государств, прежде всего в экономической сфере, послужило импульсом к совершенствованию правовых основ взаимодействия в русле глобальной цифровой трансформации. Современный тренд на переход от глобализации к регионализации отчетливо проявился и в сфере регулирования электронной торговли. Так, задача формирования единого экономического и правового пространства в рамках интеграционных объединений, обусловила необходимость разработки общих правил регулирования цифрового рынка. Рыночно-ориентированный подход был воспринят как странами европейского, так и евразийского пространства: для расширения торгово-экономического сотрудничества необходимо обеспечить функционирование внутреннего рынка, значительная доля которого перешла на цифровые рельсы.

Распространение онлайн-платформ в области торговых отношений закономерно привело к поискам баланса между рыночными и административными инструментами управления деловой средой, что порождает затруднения даже в пространстве одного государства.

В свою очередь создание единого цифрового рынка в масштабах интеграционного объединения предполагает выработку подходов, которые не только позволят содействовать привлечению капиталов, но и обеспечат защиту прав участников электронной торговли, а также национальных интересов государств-членов.

Попытки сформулировать стандарты взаимодействия между онлайн-платформами, бизнес-пользователями и потребителями предпринимаются как самими «цифровыми гигантами», так и экспертным сообществом. Но если экспертное сообщество ориентировано на поиск наилучших практик, в наибольшей мере отвечающих интересам всех участников правоотношений, то онлайн-платформы обозначают границы возможного отступления от принципа свободы договора в сторону поиска компромиссного решения. Хотя стремление к саморегулированию является объективной тенденцией развития обязательственного права, разработка онлайн-платформами сводов добросовестных практик может рассматриваться как попытка создать «обычное право электронной торговли», что несет риск смещения приоритетов в сфере защиты прав и интересов участников договорных правоотношений. Сказанное обуславливает необходимость адекватного нормативного регулирования на национальном уровне, которое определяло бы границы допустимого саморегулирования.

Несмотря на неоднократные попытки российских властей разработать и согласовать законодательный акт в сфере электронной торговли, в российской правовой системе такой акт отсутствует. В то же время законы об электронной торговле действуют в целом ряде стран постсоветского пространства, в частности, в Азербайджане, Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане.

Очевидно, что в условиях цифровизации бизнес-среды установление баланса прав и интересов всех участников электронной торговли возможно лишь посредством императивных нормативных предписаний. Российское же законодательство идет по пути внесения частичных изменений в многочисленные нормативные акты. Между тем поставленной задаче в большей степени будет отвечать принятие специального законодательного акта, который формировал бы основы торговой деятельности в цифровом пространстве и использовал бы современные тенденции правового регулирования в этой сфере.

Список источников

1. Белоусова О.В. Источники правового регулирования в рамках Европейского Союза: унификация международного частного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 6. С. 140–145.

2. Белых В.С., Болобонова М.О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. С. 5–14.
3. Блажеев В.В., Егорова М.А. (ред.) Цифровое право. М.: Проспект, 2020. 640 с.
4. Богдановская И.Ю. Есть ли киберправо, или спор о «лошадином праве» // Право и политика. 2002. № 6. С. 115–120.
5. Вайпан В.А., Егорова М.А. (ред.) Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики. М.: Юстицинформ, 2019. 376 с.
6. Василевская Л.Ю. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции // Российский юридический журнал. 2020. № 6. С. 105–117.
7. Волос А.А. Принципы договорного права в современных условиях цифровизации общества (на примере судебной практики США) // Закон. 2023. № 7. С. 157–167.
8. Волос А.А. Проблемы реализации принципа добросовестности в условиях цифровизации гражданского оборота // Lex Russica. 2023. № 6. С. 128–137.
9. Доронина Н.Г. (ред.) Проблемы унификации международного частного права. М.: Юриспруденция, 2023. 672 с.
10. Ефимова Л.Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8. С. 52–62.
11. Карцхия А.А. Цифровое право как будущее российской цивилистики / Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, интернет. Ежегодник. Т. 1. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 26–40.
12. Козинец Н.В. Особенности правового регулирования трансграничной электронной торговли в СНГ и в рамках евразийской экономической интеграции // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. С. 229–239.
13. Кучеров И.И., Сеницын С.А. (ред.) Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования. М.: НОРМА, 2022. 376 с.
14. Мажорина М.В. Киберпространство и методология международного частного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 230–253.
15. Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. 2019. № 2. С. 107–120.
16. Михайлов А.В. Перспективы развития законодательства о предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 3. С. 7–13.
17. Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4. С. 3–13.
18. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М.: Статут, 2016. 640 с.
19. Северин В.А. Коммерческое право и цифровизация торгового оборота // Конкурентное право. 2022. № 2. С. 22–26.
20. Сеницын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования. М.: Инфотропик Медиа, 2020. 212 с.
21. Талапина Э.В. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 18–32.

22. Харитонов Ю.С., Сунь Ци. Цифровизация общественных отношений и верховенство закона: опыт переосмысления в России и Китае // Гражданское право. 2022. № 2. С. 3–8.
23. Birnhack M.D., Elkin-Koren N. The Invisible Handshake: The Reemergence of the State in the Digital Environment. *Virginia Journal of Law and Technology*, 2003, vol. 8, pp. 1–57.
24. Boyle J. Is the Internet Over?! (Again?). *Duke Law & Technology Review*, 2019, vol. 18, pp. 32–60.
25. Easterbrook F. H. Cyberspace and the Law of the Horse. *University of Chicago Legal Forum*, 1996, pp. 207–216.
26. Faraj S. et al. (2021) Unto the Breach: What COVID-19 Pandemic Exposes about Digitalization. *Information and Organization*, vol. 31, pp. 1–7.
27. Kettemann M.C. et al. *The Law of Global Digitality*. London: Routledge, 2022. 258 p.
28. Kulesza J., Balleste R. Signs and Portents in Cyberspace: The Rise of Jus Internet as a New Order in International Law. *Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal*, 2013, vol. 23, no. 4, pp. 1311–1349.
29. Lessig L. The Law of the Horse: what Cyberlaw Might Teach. *Harvard Law Review*, 1999, vol. 113, pp. 501–546.
30. Nyman-Metcalf K., Papageorgiou I.F. The European Union Digital Single Market. Challenges and Impact for the EU Neighbor States. *Baltic Journal of European Studies*, 2018, vol. 8, pp. 7–23.
31. Post D.G. Against «Against Cyberanarchy». *Berkeley Technology Law Journal*, 2002, vol. 17, pp. 1363–1385.
32. Reidenberg J.R. Governing Networks and Rule-Making in Cyberspace. *Emory Law Journal*, 1996, vol. 45, pp. 911–930.
33. Reidenberg J.R. Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules Through Technology. *Texas Law Review*, 1998, vol. 76, pp. 553–593.
34. Trakman L.E. From Medieval Law Merchant to E-Merchant Law. *The University of Toronto Law Journal*, 2003, vol. 53, p. 265–304.

References

1. Belousova O.V. (2011) Sources of legal regulation within the European Union: unification of private international law. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*=Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, no. 6, pp. 140–145 (in Russ.)
2. Belykh V.S., Bolobonova M.O. (2020) Concept, meaning and trends in the development of digital law. *Yurist*=Lawyer, no. 1, pp. 5–14 (in Russ.)
3. Birnhack M.D., Elkin-Koren N. (2003) The invisible handshake: Reemergence of the state in the digital environment. *Virginia Journal of Law and Technology*, vol. 8, pp. 1–57.
4. Blazheev V.V., Egorova M.A. et al. (2020) *Digital law: textbook*. Moscow: Prospekt, 640 p. (in Russ.)
5. Bogdanovskaya I. Yu. (2002) Is there cyber law, or a dispute about “horse law”. *Pravo i politika*=Law and Politics, no. 6, pp. 115–120 (in Russ.)
6. Boyle J. (2019) Is the Internet over?! (again?). *Duke Law & Technology Review*, vol. 18, pp. 32–60.

7. Doronina N.G. et al. (2023) Unification of private international law. Moscow: Jurisprudence, 672 p. (in Russ.)
8. Easterbrook F. H. Cyberspace and the Law of the Horse. University of Chicago Legal Forum, 1996, pp. 207–216.
9. Efimova L.G. (2021) An alternative view on legal regulating civil relations in the digital economy. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*=Current Issues of Russian Law, no. 8, pp. 52–62 (in Russ.)
10. Faraj S. et al. (2021) Unto the Breach: What the COVID-19 Pandemic Exposes about Digitalization. *Information and Organization*, vol. 31, pp. 1–7.
11. Kartckhia A.A. (2018) Digital law as the future of Russian civil law. In: Law of the future: intellectual property, innovation, Internet. Yearbook. Vol. 1. Moscow: INION, pp. 26–40 (in Russ.)
12. Kettemann M.C. et al. (2022) The Law of Global Digitality. London: Routledge, 258 p.
13. Kharitonova Yu. S., Sun' Tsi (2022) Digitalization of public relations and the rule of law: rethinking in Russia and China. *Grazhdanskoye pravo*=Civil Law, no. 2, pp. 3–8 (in Russ.)
14. Kozinets N.V. (2015) Features of regulating cross-border electronic trade in the CIS and within the framework of Eurasian economic integration. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*=Issues of Russian law, no. 10, pp. 229–239 (in Russ.)
15. Kucherov I.I., Sinitsyn S.A. et al. (2022) Digital economy: current directions of legal regulation: a guide. Moscow: NORMA, 376 p. (in Russ.)
16. Kulesza J., Balleste R. (2013) Signs and Portents in Cyberspace: The Rise of Jus Internet as a New Order in International Law. *Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal*, vol. 23, no. 4, pp. 1311–1349.
17. Lessig L. (1999) The Law of the Horse: what Cyberlaw Might Teach. *Harvard Law Review*, vol. 113, pp. 501–546.
18. Mazhorina M.V. (2019) Digital platforms and international private law, or Is there a future for cyber law? *Lex Russica*, no. 2, pp. 107–120 (in Russ.)
19. Mazhorina M.V. (2020) Cyberspace and methodology of private international law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, no. 2, pp. 230–253 (in Russ.)
20. Mikhailov A.V. (2019) Prospects for the development of legislation on entrepreneurial activity in the digital economy. *Predprinimatel'skoye pravo*=Business Law, no. 3, pp. 7–13 (in Russ.)
21. Nyman-Metcalf K., Papageorgiou I.F. (2018) The European Union Digital Single Market. Challenges and Impact for the EU Neighbor States. *Baltic Journal of European Studies*, vol. 8, pp. 7–23.
22. Post D.G. (2002) Against «Against Cyberanarchy». *Berkeley Technology Law Journal*, vol. 17, pp. 1363–1385.
23. Reidenberg J.R. (1996) Governing Networks and Rule-Making in Cyberspace. *Emory Law Journal*, vol. 45, pp. 911–930.
24. Reidenberg J.R. (1998) Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules Through Technology. *Texas Law Review*, vol. 76, pp. 553–593.
25. Rozhkova M.A. (2020) Is digital law a branch of law and should we expect the emergence of a Digital Code? *Khozyaystvo i pravo*=Economy and Law, no. 4, pp. 3–13 (in Russ.)

26. Savelyev A.I. (2016) E-commerce in Russia and abroad: legal regulation. Moscow: Statute, 640 p. (in Russ.)
27. Severin V.A. (2022) Commercial law and digitalization of trade turnover. *Konkurentnoye pravo*=Competition law, no. 2, pp. 22–26 (in Russ.)
28. Sinitsyn S.A. (2020) Russian and foreign civil law in robotization and digitalization: a guide. Moscow: Infotropik Media, 212 p. (in Russ.)
29. Talapina E.V. (2021) Comparative digital law: forming and prospects. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 9, pp. 18–32 (in Russ.)
30. Trakman L.E. (2003) From Medieval Law Merchant to E-Merchant Law. *University of Toronto Law Journal*, vol. 53, pp. 265–304.
31. Vasilevskaya L.Yu. (2020) Digitalization of civil circulation. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*=Russian Law Journal, no. 6, pp. 105–117 (in Russ.)
32. Vaypan V.A., Egorova M.A. et al. (2019) Regulation of economic relations in the digital economy. Moscow: Justitsinform, 376 p. (in Russ.)
33. Volos A.A. (2023) Principles of contract law in modern conditions of digitalization of society (on US cases). *Zakon*=Law, no. 7, pp. 157–167 (in Russ.)
34. Volos A.A. (2023) Principle of good faith in the context of digitalization. *Lex Russica*, no. 6, pp. 128–137 (in Russ.)

Информация об авторе:

О.В. Сергеева — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author:

O.V. Sergeeva — Candidate of Sciences (Law), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 04.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted to editorial office 31.01.2024; approved after reviewing 04.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.